

В. И. Мусаев

ВОСТОЧНО-КАРЕЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ В 1920-е — 1930-е гг.: ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ

Проблема возвращения карельских беженцев и вопрос о деятельности на финской территории активных участников восстания 1921–1922 гг. не раз ставились на повестку дня заседаний Центральной смешанной российско-финляндской комиссии в Хельсинки в сентябре–октябре 1922 г.

Председатель российской делегации И. Франкфурт на заседании 13 сентября утверждал, что «на финляндской территории и даже в пределах установленной пограничной полосы не только нарушается Соглашение об обеспечении неприкосновенности границы между Россией и Финляндией [это соглашение было подписано 1 июня 1922 г. — *Авт.*], но при попустительстве и с ведома финляндских пограничных властей происходит открытое приготовление [так в тексте. — *Авт.*] новых бандитских набегов на КТК»¹. 19 сентября Франкфурт вновь поставил этот вопрос, заявив, что карельские беженцы по-прежнему находятся в пограничной полосе и продолжают, «при содействии и попустительстве финляндских властей, заниматься не мирной работой, а подготовлением нового нападения на Карелию», и что «по-прежнему существуют целые организации, из коих одни ставят своей исключительной целью вооруженную борьбу против России...»². От имени советской делегации Франкфурт потребовал «удаления всех беженцев, за исключением тех, которым, по соглашению контрольных комиссий, будет предоставлено право как лицам семейным и непричастным к бандитизму остаться в тех местах», и «немедленного выселения из пограничной полосы всех руководителей так называемого «карельского восстания», каковые лица все без исключения занимаются исключительно подготовкой нового такого же «восстания»...»³. Глава финской делегации А. Ахонен в ответ заявил: «Что касается беженцев и участников нападений на Карелию, то финляндские контрольные комиссии не имеют сведений о проживании этих

лиц в пограничной полосе, но как только гг. русские представители в этих контрольных комиссиях дадут нужные сведения, мы не сомневаемся, что беженцы будут выселены. Организации также будут закрыты, поскольку русские контрольные комиссии укажут на существование таковых»⁴. Позднее Ахонен выдвинул ответные претензии по поводу разведывательной деятельности против Финляндии, которая велась с территории КТК и Кольского полуострова, и подготовки в Советской России отрядов, составленных из «явно враждебных Финляндии элементов»⁵.

Проблемы возвращения беженцев затрагивались также в разговорах советского полпреда А. С. Черных с министром иностранных дел Финляндии К. Энкелем. 26 сентября 1922 г. Энкель сообщил, что министерством внутренних дел Финляндии приняты меры к выселению карельских беженцев из пограничной полосы, и ознакомил его с телеграммами комендантов пограничных участков, опровергающими сообщенные ранее советским полпредом сведения о переходе «вооруженных банд» из Финляндии в Карелию. По вопросу об амнистии для беженцев Черных заявил, что она будет предоставлена только тем, кто не принимал активного участия в беспорядках, «активные же участники авантюры амнистии не получили и неизвестно, когда получат и получат ли вообще». При этом он увязал проблему амнистии для карельских беженцев с амнистией в Финляндии для красных финнов, находившихся в Советской России. Здесь собеседникам было очень трудно найти взаимопонимание⁶.

Хотя, по мнению Карельского областного отдела ГПУ, к концу сентября 1922 г. обстановка в Карельской Трудовой Коммуне (КТК) несколько разрядилась и перспектива нового восстания казалась маловероятной⁷, активность беженских организаций в Финляндии и в дальнейшем продолжала вызывать беспокойство советских властей.

Уполномоченный контрразведывательного отдела ГПУ Э. Хенттонен 28 ноября 1922 г. сообщал руководству КТК о наличии 11 «белокарельских группировок» на территории Финляндии, главным образом в пограничных местностях (г. Каяни, с. Суомуссалми, Кухмониemi, Куусамо, Куолаярви, Кюминлинна), в каждую из которых входило от 100 до 300 вооруженных людей. Этими группировками якобы велась подготовка нового налета на Советскую Карелию⁸. Еще одним обстоятельством, затруднявшим проблему возвращения беженцев, было то, что многие дома в Восточной Карелии, надолго оставленные без присмотра, пришли в ветхость. Финский посланник в Москве А. Хакцель докладывал в МИД: «В комиссариате мне объяснили, что сейчас не представляется возможным принять большое число желающих вернуться карелов, так как их дома в Карелии, будучи брошенными, перешли в руки других лиц, так

что беженцы по возвращении оказались бы в крайне сложном положении»⁹.

Естественно, что дипломатические разногласия и взаимное недоверие между двумя сопредельными государствами осложняли и тормозили ход возвращения карельских беженцев. Тем не менее, репатриация продвигалась. Для ускорения возвращения беженцев немало сделал А. Хакцель, пользуясь своими старыми связями с Гюллингом¹⁰. 30 апреля 1923 г. ВЦИК принял, наконец, постановление об амнистии для карельских беженцев¹¹. Первый пункт постановления гласил: «Даровать амнистию всем лицам, бежавшим в связи с карельской авантюрой 1921–1922 гг. на территорию Финляндии, за исключением руководителей и тех, кои, находясь за пределами Карельской Трудовой Коммуны, продолжали свою активно-враждебную РСФСР деятельность»¹². Срок подачи заявлений о репатриации был установлен до 1 января 1924 г.

На границе стали действовать несколько пунктов перехода. На севере это были Раате в Суомуссалми, Сиикаярви в Куусамо и Кививаара в Пиелисъярви, южнее — район Лепяниemi в Суоярви и Мансила в Салми. Небольшая группа прошла через пункт на Карельском перешейке в Раййоки, через который проходила большая часть возвращавшихся в Россию ингерманландцев и «кронштадтцев». В противоположном направлении следовали бывшие подданные Великого княжества¹³. С июля 1922 г. до конца 1923 г. в Россию вернулось, по официальным данным, около 1000 восточнокарельских беженцев¹⁴. Однако эти данные могут быть несколько заниженными, так как в них не учитывались те, кто переходил границу нелегально¹⁵.

В 1924–1925 гг. возвратилось еще около 2000 человек¹⁶. 21 апреля 1925 г. ЦИК Автономной Карельской ССР (КАССР) принял постановление о персональной амнистии для беженцев. При этом предельный срок подачи заявлений в советское полпредство в Финляндии о желании возвратиться был установлен на 1 января 1926 г.¹⁷ Беженцы, не подавшие к указанному сроку соответствующие заявления, согласно решению СНК АКССР от 14 мая 1926 г., утрачивали право на амнистию и связанные с ней льготы, в частности, на возвращение своих домов (за исключением тех, которые находились во владении вовремя вернувшихся или не уехавших из Карелии членов беженских семей) и земельных участков. Беженцы, вернувшиеся позднее 31 января 1926 г., приравнивались к иностранным иммигрантам¹⁸.

Собственно, именно к этому сроку репатриация в основном закончилась, хотя в 1926–1927 гг. вернулось еще около 300 человек, причем, начиная с 1927 г. восточные карелы могли переходить границу только в районе Раййоки¹⁹. От очередного продления срока амнистии в Москве

отказались. В письме члена коллегии НКВД Б. С. Стомякова новому полпреду СССР в Финляндии И. Л. Лоренцу от 2 января 1927 г. отмечалось, что после того, как в КАССР наметились ощутимые хозяйственные достижения, пребывание карелов в Финляндии стало для СССР политически выгодно. Безработица и конкуренция на рынке труда в Финляндии должна была способствовать отходу беженцев от активистов²⁰.

Общее количество вернувшихся в 1920-е гг. в Советскую Карелию беженцев составило около 8200 человек²¹. В Финляндии к концу 1920-х гг. оставалось от 5000 до 6000 восточнокарельских беженцев²². Основным районом сосредоточения беженцев оставалась Приграничная Карелия.

Коллективизация, раскулачивание и религиозные преследования в СССР в начале 1930-х гг. вызвали новый приток беженцев из Ингерманландии и Советской Карелии в Финляндию. В 1934 г., по данным «Центрального бюро соплеменных организаций», число восточнокарельских беженцев в Финляндии составляло 6791 человек²³. Органы сысской полиции утверждали, что среди олонецких беженцев есть подозрительные и ненадежные элементы. Отмечались случаи, когда среди беженцев оказывались агенты НКВД, которые проводили некоторое время в Финляндии, а затем возвращались в СССР. Звучали предложения не давать новым беженцам разрешение на пребывание в пограничной полосе²⁴. В дальнейшем число лиц, имевших статус беженцев, постепенно сокращалось по мере натурализации соплеменников. На конец 1939 г. численность карельских беженцев оценивалась в 4729 человек²⁵.

Процесс адаптации карельских беженцев в Финляндии в 1920-х — 1930-х гг. протекал схожим образом с аналогичным процессом, через который проходили выходцы из Ингерманландии. Считаясь соплеменниками, восточные карелы, как и ингерманландцы, пользовались большим сочувствием местного населения и более благожелательным отношением со стороны властей, чем выходцы с Востока в целом. Из всех категорий беженцев восточные карелы в наибольшей степени были охвачены государственной поддержкой. Однако и для них помощь год от года сокращалась. Так же, как и русским и ингерманландским беженцам, карелам приходилось искать возможности самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Многие беженцы работали на деревообрабатывающих предприятиях в Суоярви, где находился крупный завод компании «The Wiborg Wood», в Пиелисъярви, в районах Оулу и Кеми. Некоторые отправлялись на лесозаготовки в северные районы вплоть до Петсамо²⁶.

Карельский областной отдел НКВД докладывал о случаях использования карельских беженцев во время забастовок в лесопромышленных обществах в качестве штрейкбрехеров, причем беженцы соглаша-

лись работать за вдвое более низкую плату, чем местные рабочие (5–6 марок в час вместо 10–12)²⁷. В отличие от ингерманландцев, восточные карелы не проявляли большой тяги к обработке земли, так как на родине они привыкли добывать себе средства не столько земледелием, сколько различными промыслами и торговлей. В середине 1930-х гг. около 650 восточнокарельских беженцев занимались торговлей в качестве либо владельцев, либо помощников владельцев торговых предприятий или разъездных торговцев. Тогда же 3583 беженца работали на различных предприятиях, 213 — в сельском хозяйстве, 80 — в качестве священников, учителей или чиновников²⁸.

Школьное обучение детей карельских беженцев проходило примерно по той же схеме, как это имело место у ингерманландцев. В начале 1920-х гг. с государственной помощью были основаны народные школы специально для детей беженцев. В 1922/1923 учебном году действовало 13 школ для беженцев из Советской Карелии. В отличие от ингерманландских школ, которые работали в арендованных деревенских домах, карельские школы, как правило, проводили занятия в вечернюю смену в помещениях народных школ. При каждой школе имелся интернат, в котором ученики могли жить в течение всего учебного года. Такая практика вызывалась необходимостью, так как многие дети приезжали издалека²⁹. В 1924/1925 учебном году насчитывалось семь карельских школ, в которых обучались около 500 человек³⁰.

Общими проблемами для «беженских» школ были скудость средств, недостаток помещений и учебного материала, а в школах для восточных карелов особо сильно ощущалась нехватка квалифицированных учителей. Если все ингерманландские школы к концу 1920-х гг. уже закрылись, у восточных карелов в 1929–1930 гг. еще имелись четыре свои школы. Две из них были закрыты в 1930 г., но две другие — в Кюминлинна и Майккула — продолжали функционировать вплоть до 1940 г.³¹ Школа в Майккула, куда съезжались дети беженцев со всей Северной Финляндии в 1924 г. (после закрытия школы в Куусамо, число учеников в школе в Майккула достигло 141 человека³²), отличалась неплохим уровнем преподавания.

Поскольку возможности «беженских» школ были крайне ограничены и они давали лишь самое элементарное образование, беженцы искали иные возможности для продолжения обучения. В 1920-е гг. наблюдался наплыв беженцев, главным образом карельских, в народные училища, привлекавшие прежде всего дешевой обучением.

К весне 1924 г. в этих училищах насчитывалось около 470 беженцев (более 390 восточных карелов и более 70 ингерманландцев). Беженцы-соплеменники составляли свыше 10 % учащихся финноязычных народных училищ. С осени того же года, однако, в связи с финансовыми трудно-

стями, вызванными общим сокращением расходов на беженцев, число беженцев-соплеменников среди учеников народных училищ резко сократилось. Для многих все же курсы народных училищ стали основной формой продолжения образования после окончания начальной школы. К концу 1930-х гг. народные училища закончили в общей сложности почти 900 беженцев (более 680 восточных карелов и 219 ингерманландцев)³³.

Свои особенности имела и проблема «духовного призрения» среди восточнокарельских беженцев. Выходцы из Олонецкой Карелии находились, главным образом, на территории Приладожской Карелии. Здесь издавна действовали православные приходы для местного населения, к которым беженцы имели возможность присоединяться. В то же время беломорские карелы в Северной Финляндии оказались в преимущественно лютеранском окружении.

В январе 1922 г., во время массового наплыва беженцев из Советской Карелии, вопрос об их духовном призрении рассматривался на совещании священников в Сортавале под председательством протоиерея С. Окулова. В соответствии с решением совещания, его участники обратились в Государственный совет с просьбой приступить к организации духовной работы среди восточнокарельских беженцев. Уже в конце месяца правительство выделило для этой цели определенные средства.

Руководить «духовным призрением» беженцев был назначен бывший настоятель прихода Реболы Михаил Филин (Микаэль Фиилин), вепс по происхождению. В организационном отношении беженцы составляли особый приход. Поскольку беженцы были разбросаны на обширном пространстве, территория их расселения, в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел, осенью 1922 г. была разделена на четыре попечительских округа. Первый округ охватывал территорию от Нурмеса до Кюминлинна, второй — Кухмониemi и его окрестности, третий — Каяни, Хюрюнсальми и Суомуссалми и четвертый — Куусамо и Тайвалкоски. Канцелярия «духовного призрения» находилась в Йоэнсуу, где М. Филин с 1923 г. состоял настоятелем местного православного прихода. В качестве помощников Филина действовали священники Михаил Исаев (Еванен) в Кухмониemi, который с 1924 г. отвечал за работу во втором и третьем округах, и Симеон Мусовский в Куусамо³⁴. В 1931 г. число членов карельского беженского прихода, согласно церковным книгам, насчитывало 5319 человек (из них 2667 мужчин и 2652 женщины)³⁵.

Церковная работа среди православных карельских беженцев, помимо материальных сложностей, антиправославных настроений в Финляндии и территориальной разбросанности тех, кто подлежал «духовному призрению», затруднялась, особенно в первые годы, вследствие тех кон-

фликтов и противоречий, которые имели место внутри и вокруг Финляндской Православной церкви. Канонические и прочие нововведения в ФПЦ, имевшие место после 1917 г., впрочем, не вызвали особого сопротивления ни в приходах Западной Карелии, ни среди восточнокарельских беженцев, но споры вокруг юрисдикции, летоисчисления и языка богослужений не могли не отразиться и на положении православных карелов. Часть беженцев оставалась за пределами духовной опеки: умерших не отпевали, новорожденных не крестили, супружеские пары жили без венчания.

Серьезной проблемой было православное духовное воспитание детей, обучавшихся в обычных школах. Помощь в проведении духовной работы среди беженцев оказывало Братство Св. Сергия и Германа. Его члены ездили по стране с проповедями среди беженцев, дарили им духовную литературу. Пастырские поездки к беженцам в середине 1920-х гг. совершал архиепископ Герман³⁶. М. Филин был руководителем духовной работой среди беженцев до 1937 г. Его преемником в этой должности стал настоятель финского православного прихода в Выборге Леонидас Хоманен. Тогда же канцелярия духовного призрения была переведена из Йюэнсуу в Выборг. В 1938 г. произошли территориально-административные изменения в попечительских округах. Первый округ, за который лично отвечал Л. Хоманен, охватывал всю Южную Финляндию. Территория, подотчетная М. Исаеву, была переименована во второй округ. Третий округ, попечителем которого стал разъездной священник Ниило Ходью, составила Северная Финляндия³⁷. Духовная работа среди беженцев была нарушена войной 1939–1940 гг. и последующими событиями. Часть населения отправилась в эвакуацию вместе со своими пастырями. Л. Хоманен продолжал работать в южных районах; он и его канцелярия обосновались в Турку. Попечительский округ в Северной Финляндии был ликвидирован, хотя протоиерей Исаев (Еванен) все еще трудился на этой территории, имея резиденцию сперва в Нивала, а затем в Кухмо. Карельский беженский приход оказался долговечнее ингерманландского, просуществовав до начала 1950-х гг. Его ликвидация была поставлена на повестку дня в Министерстве просвещения в 1953 г., когда в попечительских списках числилось не более 500 человек. Л. Хоманен перевел последних восточных карелов в приходы по месту их проживания в начале 1955 г.³⁸

Организационная работа среди выходцев из Восточной Карелии в Финляндии велась еще с 1917 г. Карельские организации, возникшие в Финляндии во время «племенных войн», продолжали существовать и в 1920-е гг. Важнейшими среди них оставались Карельский национальный союз и действовавший на правах его отделения Восточнокарельский

комитет. В уставе Карельского национального союза целью его деятельности определялись пробуждение национального духа среди карелов и организация совместной работы патриотических групп и организаций³⁹. В различных городах и селах Финляндии действовали карельские клубы. В 1927 г. во время проведения карельского праздника в Каяани было принято решение об образовании «Центрального союза карельских клубов» («Karjala-kerhojen Keskusliitto»). Его учредителями выступили Академическое карельское общество, Восточнокарельский комитет, Карельская зарубежная делегация (Karjalan ulkomainen valtuuskunta) и Карельский спортивный комитет (Karjalan kisakomitea). Всего союз объединил 22 организации⁴⁰.

К концу 1920-х гг. советские спецслужбы отмечали возникновение разногласий в карельских клубах между приверженцами идеи «Карелия карелам» и сторонниками включения Советской Карелии в состав «Великой Финляндии», что мешало сплочению всех клубов вокруг Центрального союза. Отмечалось, впрочем, что «несмотря... на разногласия организационного порядка, стремления тех и других (т. е. сепаратистов и сторонников объединения с Финляндией — В. М.) к свержению советской власти и отделению Карелии от СССР в основном совпадают»⁴¹.

Главное содержание деятельности карельских организаций в 1920-е гг. составляла просветительская работа среди беженцев и оказание им различных видов помощи. Восточнокарельский комитет принимал активное участие в организации и поддержке беженских школ и приютов. С августа 1920 г. комитет начал издавать еженедельную газету «Vapaa Karjala» («Свободная Карелия»). С конца года ответственным редактором газеты был инспектор А. Садовников. Газета в течение первых трех лет выходила в Сортавала, затем её издание было перенесено в Выборг⁴². Центральный союз карельских клубов, вскоре после своего образования, принял решение основать собственный печатный орган «Karjalan Kannel»⁴³.

Одним из видов работы была организация так называемых «карельских вечеров» («Karjala-iltoja»). В 1920-е гг. они проводились в Сортавале, Импилахти, Ляскеля, Питкяранта и в других местах. Их активно посещали как беженцы, так и финляндские граждане⁴⁴. В 1920 г. Восточнокарельский комитет организовал в Салми первый карельский летний праздник, после чего такие праздники стали проводиться ежегодно в разных местах: В 1921 и 1932 гг. — в Сортавала, в 1922 г. — в Суйстамо, в 1923 г. — на Валааме, в 1924 г. — в Суоярви, в 1925 г. — в Лиекса, в 1926 и 1930 гг. — в Оулу, в 1927 г. — в Каяани, в 1928 и 1931 гг. — в Кюминлинна, в 1929 г. — в Салми⁴⁵. Карельские праздники послужили образцом для ингерманландцев, которые начали проводить свои праздники такого же типа с 1923 г.

Организационная деятельность среди карельских беженцев в целом проходила в политическо-пропагандистских рамках так называемой «соплеменной работы» (heimotyö). Пропагандистский характер имели многие материалы, публиковавшиеся на страницах газеты «Varaa Karjala». Беженцам старались внушать идеи «племенного родства», единения родственных народов. Правда, это не всегда делалось последовательно и не всегда достигало цели.

К тому же среди выходцев из Олонецкой Карелии имелось некоторое число лиц, которые, вследствие своих прорусских симпатий, а отчасти, возможно, из-за разочарования в финской помощи обнаруживали тенденцию к сближению с русскими эмигрантами. Часть из них отозвалась на адресованный к эмигрантам призыв, опубликованный в русской хельсинкской газете (видимо, «Новые русские вести»), избрать своих представителей для участия в Русском зарубежном съезде, проведение которого было намечено на апрель 1926 г. в Париже. В марте 1926 г. около 50–60 олонецких беженцев собрались в деревне Тулема в приходе Салми и избрали прапорщика Федора Николаева представителем беженцев на Парижском съезде⁴⁶.

Политические организации русских эмигрантов также искали возможности сотрудничества с беженцами-соплеменниками, прежде всего с олонецкими карелами. Представитель Высшего монархического совета полковник А. Григорьев утверждал, что ингерманландцы и карелы охотно шли на сотрудничество в эмигрантских организациях. Григорьев писал: «Для истории могу сказать, что моя деятельность, направленная на пробуждение русского духа среди русских беженцев Олонецкой губернии — карелов — и среди русских беженцев Петроградской губернии — ингерманландцев — дала определенно положительные результаты. Они, в 1919 г. боявшиеся России и русских, в 1924–1927 гг. шли ко мне, вступали охотно в нашу организацию и настолько хорошо себя зарекомендовали, что в некоторых из организованных мной местных отделов они были главарями, руководителями и совершенно ничем не отличались от коренных русских... В семь отделов входило значительное количество (уже не десятки, а сотни) олонецко-карелов в особенности, да и петроградцев-ингерманландцев»⁴⁷.

Роль выходцев из Советской Карелии в культурной жизни Финляндии была, пожалуй, еще менее значительной, чем у ингерманландцев. Некоторые из деятелей культуры, имевших карельское происхождение (как, например, композитор и преподаватель музыки П. Акимов) совершенно обрусели. Другим, наоборот, патологическая неприязнь к русским мешала заниматься серьезным творчеством и создавать что-либо значительное. Из лиц, занимавшихся литературством, дальше других продвинулся

Микко Карвонен, автор нескольких романов как на исторические темы, так и с описанием жизни восточнокарельских беженцев⁴⁸.

Во время «зимней войны» значительная часть карельских беженцев, в отличие от русских и ингерманландцев, сумела избежать необходимость эвакуации, так как в Северной Финляндии лишь небольшая часть территории была после войны передана Советскому Союзу (эвакуироваться пришлось тем, кто до войны жил южнее, в Приладожской Карелии). Послевоенный процесс ассимиляции, тем не менее, затронул их едва ли в меньшей степени. Ускорению процесса натурализации беженцев и членов их семей, начавшегося еще в межвоенный период, способствовал, наряду с закрытием особых школ для беженцев и ликвидацией беженских церковных приходов, роспуск почти всех эмигрантских организаций, предпринятый вскоре после перемирия 1944 г. по требованию союзной контрольной комиссии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее: НАРК). Ф. 549. Оп. 1. Д. 126. Л. 101.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 118–119.

⁶ Там же. Л. 84–86.

⁷ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 70.

⁸ НАРК. Ф. 549. Оп. 1. Д. 126. Л. 121, 123.

⁹ *Yläräkkölä A.* Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki, 1976. S. 212.

¹⁰ Ibid. S. 213.

¹¹ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 123.

¹² *Kosonen M.* Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikiin riitamaalla. S. 170. Tampere, 1994.

¹³ *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 55.

¹⁴ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. Jyväskylä, 1980. S. 73.

¹⁵ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства. С. 68.

¹⁶ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 73.

¹⁷ НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 25. Л. 69.

¹⁸ Там же. Л. 51, 69.

¹⁹ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 73.

²⁰ *Килин Ю. М.* Карельский вопрос в Финляндии и СССР. С. 123.

²¹ *Невалайнен П.* Изгои. С. 59.

- ²² *Hämynen T.* Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki, 1993. S. 248.
- ²³ Kansallisarkisto (Далее: КА). Valtion Pakolais-avustuskeskus (VPAKA). I. Hb 1. (Pakolaiskysymys. Yleinen heimokokous Helsingissä 5.1.1936).
- ²⁴ *Ibid.* Etsivä Keskuspoliisi — Valtiollinen poliisi (EK-Valpo). Ryhmä XXXIV. Kansio 662 (EK: n Sortavalan alaosa. Tilannekatsaus N: o 95.10.1933).
- ²⁵ *Ibid.* VPAKA. I. Hb 1 (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta. Kirkolliset olot 1939).
- ²⁶ *Hämynen T.* Liikkeellä leivän tähden. S. 256.
- ²⁷ Неизвестная Карелия. Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 28.
- ²⁸ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki, 1978. S. 100.
- ²⁹ *Невалайнен П.* Изгой. С. 176–177.
- ³⁰ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1931 // КА. VPAKA. I. Hb 1.
- ³¹ *Невалайнен П.* Изгой. С. 177–178.
- ³² *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 107.
- ³³ *Невалайнен П.* Изгой. С. 181–183.
- ³⁴ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1930 // КА. VPAKA. I. Hb 1; Selostus valtion varoilla suoritetusta pakolaisavustustyöstä ajalla 1918–1930 // *Ibidem.*
- ³⁵ Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1931 // КА. VPAKA. I. Hb 1.
- ³⁶ *Невалайнен П.* Изгой. С. 212.
- ³⁷ *Nygård T.* Itä-Karjalan pakolaiset 1918–1922. S. 112.
- ³⁸ *Невалайнен П.* Изгой. С. 213.
- ³⁹ КА. Karjalan Kansalaisliiton arkisto (KKLA). H. (Karjalan Kansalaisliiton säännöt).
- ⁴⁰ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 118
- ⁴¹ Неизвестная Карелия. С. 121–122.
- ⁴² КА. VPAKA. I. Hb 1. (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1924).
- ⁴³ *Nygård T.* Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. S. 118.
- ⁴⁴ КА. VPAKA. I. Hb 1 (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuodelta 1924).
- ⁴⁵ *Ibid.* (Karjalan Kansalaisliiton ja Itä-Karjalan Komitean toiminnasta vuosilta 1929, 1930, 1931, 1932.
- ⁴⁶ *Ibid.* EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 435 (EK: n Sortavalan alaosaaston päällikkö — EK: n pääosastolle 6.10.1926).
- ⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р. — 5826. Оп. 1. Д. 174. Л. 7.
- ⁴⁸ *Невалайнен П.* Изгой. С. 293.

ЛИТЕРАТУРА

Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 112–128.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 377 с.

Неизвестная Карелия. Доклады спецорганов о жизни республики. 1920–1940 гг. Петрозаводск: СДВ «Оптима», 1997. 306 с.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2012. № 9. С. 80–93.

Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1993. 562 s.

Kosonen M. Karjalan pakolaiset Pielisjärvellä 1920-luvulla // Kahden Karjalan välillä. Kahden Riikiin riitamaalla. Tampere, 1994. S. 159–186.

Nygård T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa. Helsinki: Otava, 1978. 342 s.

Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1980. 137 s.

Yläräkkölä A. Edvard Gylling. Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki: Otava, 1976. 376 s.